

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ КРЕДО А. С. ПУШКИНА

Владимир Соловьев

Московский государственный лингвистический университет;
Социологический институт РАН

Цитирование: Соловьев В.М. Гуманистическое кредо А. С. Пушкина // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2(6). С. 169–186.

DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.10>.

For citation: Solovyov, V.M. (2019). Gumanisticheskoye kredo A. S. Pushkina [The humanistic credo of A. S. Pushkin], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 2(6), pp. 169–186.

DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.10>.

Показывается, что сочинения А. С. Пушкина проникнуты духом гуманизма, поисками глубинных оснований истины, добра и красоты и нацелены на прославление человека и преодоление в нем низменного и пошлого. Пушкину дано было постичь и передать квинтэссенцию русского гуманизма, и цель статьи – показать, что шкала ценностей и нравственных понятий, которыми он руководствовался, не устарела и сохраняет важнейшие свои свойства в настоящее время. Задаваясь вопросом о том, что в гуманизме Пушкина является приоритетным, автор статьи стремится раскрыть гуманистическое кредо поэта, опираясь на суждения крупнейших русских мыслителей, акцентировавших внимание на его человеколюбии, патриотизме, осознании того, что людям необходимо жить в гармонии, согласии, а не в конфликте как с природой, так и друг с другом. Высота пушкинской этики поверяется диалектическим пониманием того, что гедонизм и эвдемонизм (чувство удовольствия и переживание личного счастья) низведутся до банального эгоизма и себялюбия, если преступят категорические императивы, т. е. безусловные и всеобщие предписания, которые должны исполняться всеми. В культурологическом ключе раскрывается, чем и как сочинения нашего национального гения составляют базовую ценность и идентификационный потенциал золотого фонда русской культуры.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, гуманизм, самоценность личности, идентификационный потенциал, русская культура, свобода, право на счастье, патриотизм, всеевропейское и всемирное.

The author of the article underlines that the works of the great Russian poet A. S. Pushkin are imbued with the spirit of humanism, the philosophical search for the foundations of truth, goodness and beauty, and are aimed at glorifying man as a free creature and overcoming the base and vulgar in him. It is stressed that Pushkin was able to deeply comprehend and exactly express in his works the quintessence of Russian humanism. So, the purpose of the article is to show that the scale of values and moral concepts which were important for Pushkin are not outdated and retain their significance at present. The author puts the question of what is priority in Pushkin's humanism, and then he reveals and analyzes the poet's humanistic credo. This is done with the help of some judgments of the leading Russian thinkers, who focused in their studies on Pushkin's philanthropy, patriotism, the understanding that people should live in harmony, concord, and not in conflict either with nature or with each other. The quality of Pushkin's ethical views is analyzed in the context of the idea that hedonism and eudaimonism (a sense of pleasure and an experience of personal happiness) will be reduced to banal egoism and self-love if categorical imperatives are violated, i.e., unconditional and universal instructions that must be followed by everyone. It is concluded that the works of the Russian national genius are the basic value and identification potential of the golden fund of Russian culture.

Keywords: A. S. Pushkin, humanism, intrinsic value of a person, historical and cultural identity, Russian culture, freedom, the right to happiness, patriotism, pan-European and universal.

Введение

Духовный образ Пушкина, наверное, никогда не будет завершенным. Каждое поколение открывает и постигает в нашем национальном гении что-то новое, незамеченное и пропущенное предыдущими. И для нынешнего «племени младого, незнакомого» Пушкин тоже непременно займет законное место властителя дум, потому что он остается тем величайшим и универсальным мыслителем, который объединяет Россию, служит народу нравственным мерилом, задает недостижимую интеллектуальную планку. И взять эту пушкинскую высоту пока не по силам ни одному продвинутому в информационных технологиях вундеркинду.

Возможно, сегодня, хотя монархия и в моде, император Николай I не самый большой авторитет для россиян первой четверти XXI века, но в глупости этот государь никем и никогда уличен не был. И его оценка Пушкина как умнейшего человека России заслуживает внимания и уважения хотя бы как отзыв компетентного современника.

Предлагаемый набросок культурологического портрета Пушкина оттеняет в бесконечно богатом и глубоком духовном мире поэта его непостижимую умудренность, прозорливость и безошибочное эстетическое и этическое чутье на все прекрасное, настоящее, благотворное для человека. Разумеется, здесь затрагивается всего лишь малая толика плодов «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Строй мыслей и чувств Пушкина как блистательного представителя культуры своего времени, без сомнений, привлечет многочисленных исследователей, потому что мощное жизнеощущение поэта, преломившееся в его творчестве, передалось и нам. Он наше зачатие, несущее спасение от одичания и расчеловечивания. Идя за ним, благоговеющим богомольно перед святыней красоты, мы твердо знаем, что не превратимся в биороботов.

В порядке вещей

Старшему поколению присуща установка убедить младшее в непреходящей ценности наследия Пушкина. Но, как признаются школьные учителя и вузовские преподаватели, они обычно сталкиваются или с отторжением творчества поэта, или с формальным его приятием ради хорошей отметки, зачета и т. д. Примерно то же происходит с произведениями Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева [4, с. 24–25].

Причина слабого интереса к русской литературной классике находит разные объяснения. Большинство из них сводится к тому, что она попросту набила оскомину, и тот же Пушкин, живший и творивший более 180 лет назад, безнадежно устарел, стал чужд и непонятен. Для отвыкших читать юных потребителей клипово-таблюдной культуры художественные тексты XIX века неподъемны, сложны, туманны. Не говоря уж о том, что чуть ли не половина слов там непонятна. И это неприятие младшими сакраментальной для старших изящной словесности – краеугольный камень расхождения между поколениями отцов и детей.

Разумеется, имеют место подростковое бунтарство, юношеский максимализм. Желание проявить свое эго, блеснуть самостоятельностью ума не только сегодня, но и всегда принимало нигилистические формы отрицания (иногда огульного, без знания предмета). Самоутверждение путем

конфликта с «преподом», который уже «достал» своими занудными наставлениями и поучениями, – это тоже явление вполне в порядке вещей.

К чему бесплодно спорить с веком?

Следует сразу оговориться, что переносить именно на Пушкина практику менторства, т. е. передачи знания и опыта путем назидания и назойливых методик обучения и воспитания было бы не только несправедливо, но и глубоко ошибочно, потому что как раз Пушкин сам был противником дидактики и нотаций. Если ему и принадлежат какие-то сентенции, принявшие конвенциональный характер, то это произошло помимо его воли. Он же по гордости своей, независимости нрава и еще в силу искрометного чувства юмора не терпел нравоучений и был далек от того, чтобы навязывать кому бы то ни было свои мнения, оценки, вкусы.

Его наставничество – без нажима. Если он и пытается в чем-то кого-то вразумить, то делает это ненавязчиво, легко, шутливо, непринужденно:

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.

А как хороши синоптические зарисовки (они же шутки) о русской погоде! Они и сейчас в ходу:

Здоровью моему полезен русской холод;
Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим;
И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)

Комическая интонация, мастерски поданные в легкой, шутливой форме истины здравого смысла (вспомним хотя бы «Сказку о попе и работнике его Балде») и задорные зарисовки в прозе и стихах – все это характерно для смехового мира Пушкина. Он фонтанировал острыми сатирическими экспромтами, бурлесками, забавными каламбурами и пуще всего опасался быть банальным и скучным.

Думается, уже этим Пушкин должен был не отдалять, а привлекать современную молодежь России. И он бы привлекал, если бы обращение к первоисточнику – его произведениям – происходило при умелом педагогическом посредничестве.

Грани актуальности

Не странно ли, что оспаривать актуальность Шекспира в голову не приходит? Его произведения как бы априорно признаны злободневными во все времена. Но разве не так же и с Пушкиным? Ведь многие его суждения о борьбе добра и зла, о гении и злодействе, диалоги человека с природой находятся вне времени. И разве страсти, описанные Пушкиным, выведенные им характеры и типажи не узнаются сегодня? Современный социум раздирают и раскалывают если не те же, то очень похожие противоречия и конфликты. Это столкновение из-за по-разному по-

нятых проблем социальной жизни, противоборство между личным и коллективно-общественным. И оказывается, что разница в мировосприятии старосветского помещика, царского генерала или станционного зрителя XIX в. и нынешних фрилансеров, аудиторов, программистов или дизайнеров не столь уж велика. Они так же вовлечены в извечный круговорот чувств, переживаний, решений, стоят перед выбором цели и пути к ней. И вряд ли человеческое поведение сейчас разительно отличается от аналогов пушкинского времени. Схожесть той и нашей эпох состоит в неубывающей остроте социальной неоднозначности, имущественном неравенстве, антагонизме интересов государства и гражданина, диспропорции между свободой и деспотизмом, доброй волей и насилием. И тогда, и сейчас были писанные и неписанные законы, отношения людей сплетались в запутанный клубок прямодушия и хитрости, правдолюбия и обмана, благородства и коварства, жертвенности и подлости, были страдания во имя долга и конформизм, великодушие и низость, честность и ложь, открытость, искренность и лицемерие, притворство [5]. Наверное, человек постиндустриального общества более прагматичен, чем современник Пушкина, но он тоже подвержен суевериям, страшится неотвратимости рока, рефлексирует из-за изменчивости счастья. И, по видимому, соотношение между субъективными намерениями человека и объективным смыслом его поступков претерпело изменения за два столетия в основном лишь в той части, которая касается теперешнего дефицита гуманизма, справедливости, недостаточности человеческой мудрости, нравственности и духовности.

Словом, есть все основания не спешить с выводами и не заявлять, что Пушкин сегодня больше не актуален. Грани актуальности подвижны. Если понимание и восприятие прошлого не войдут в современное жизненное пространство, такой важный фактор национально-личностной и гражданской принадлежности, как целостная историко-культурная идентичность, будет блокирован [2]. И, конечно, именно Пушкин ярче всех прочих духовных референтов нации выступает как бесспорный и ведущий носитель этого идентификационного потенциала. Под термином «идентичность» понимается здесь комплекс представлений человека о своей нации и отождествление себя с ней как посредством собственной субъективной оценки, так и через его восприятие окружающими, т. е. саморефлексию дополняет реакция на твое «Я» других людей [1, с. 11].

Эталон гуманизма

Невозможно объять, сколько всего в нашей культуре вдохновлено и воплощено пушкинским гением, сколько вызвано к жизни его словом, мыслью, образами, мечтами, юмором, движением ума и сердца, чувством истории, взглядом в будущее, переживанием каждого мига. Он венец нашей национальной культуры, ведущий духовный референт нации, универсум народной мудрости, персонифицирующий русскую сущность. Оттого и назвал его идеолог почвенничества поэт Аполлон Григорьев «наше все»: «А Пушкин – наше все: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами. Пушкин – пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими осо-

бенностями и организмами, все то, что принять следует, отбрасывавший все, что отбросить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, образ, который мы долго еще будем оттенять красками. Сфера душевных сочувствий Пушкина не исключает ничего до него бывшего и ничего, что после него было и будет правильного и органически нашего» [8, с. 194]. «Вообще же, не только в мире художественных, но и в мире всех общественных и нравственных наших сочувствий, – продолжает Григорьев, – Пушкин есть первый и полный представитель нашей физиономии» [8, с. 196].

В зарисовке Григорьева Пушкин предстает как гуманист до мозга костей, и медальонно четкий статус эталона гуманизма неизбежно за ним сохраняется. Сегодня, при очевидном дефиците в стране гуманизма, нехватке в обществе гуманного отношения людей друг к другу, представляет несомненный интерес выяснить в общих чертах, из чего же складывается гуманистическое кредо нашего великого поэта и что первостепенно значимое вкладывали применительно к Пушкину в понятие «гуманизм» крупнейшие русские мыслители. Именно этому вопросу и посвящена настоящая статья.

В наши дни понятие «гуманизм» толкуется широко и в суммарном выражении сводится к системе мировоззрения, основу которого составляют защита чести, достоинства, самоценности личности, ее свободы и права на счастье. Под гуманизмом подразумевается также система общественного устройства, где жизнь человека – высшая ценность и обеспечено максимально бережное отношение к каждому индивиду, созданы условия для реализации им свободного выбора формы и смысла своей жизни. Но гуманизм – это также человечность без границ, все самое высокое в человеке. В центре пушкинского гуманизма, конечно же, человек. Он высшая и важнейшая по отношению к себе ценность, но равноправная в ряду других фундаментальных ценностей. Имеет смысл последовательно выстроить их в единую цепочку и рассмотреть звено за звеном.

Два алтаря

О гуманизме Пушкина много и точно писал религиозный мыслитель, историк, яркий публицист Г. П. Федотов (1886–1951), автор трех очерков о великом русском поэте, напечатанных в изданиях русского зарубежья. Находясь в эмиграции в Париже, Федотов знал, что творилось на Родине. В зловещем для СССР 1937 г. он пишет: «Среди тьмы русской жизни, среди казней, предательства, лжи, окутывающей все густой, непроницаемой пеленой, одна мысль сейчас утешает, дает надежду: в России читают Пушкина» [21, с. 129]. Силясь понять, что именно пленяет в Пушкине русского читателя среди террора сталинщины, Федотов предполагает: «Мне думается, что в Пушкине сейчас должно нравиться цельное приятие Божьего мира, картины мирного, прекрасного быта, амнистия человеку – вне героического напряжения и подвига, – человеку просто, который хочет жить и хотя бы мечтать о счастье» [21, с. 130].

В том же году, назвав Пушкина певцом империи и свободы, Федотов пишет, что в пушкинском «храме Аполлона было два алтаря: России и свободы» и что «при его цельности, при его укорененности во всеединстве» не могло быть иначе, ибо Пушкин «никогда не отъединял своей личности от мира, от России, от народа и государства русского» [20, с. 141].

Приоритетное место в гуманистическом кредо Пушкина занимают любовь к Отечеству, чувство особой близости к своему народу. Конечно же, для дворянина Пушкина непреложно, что надо печься не только о себе, но и служить родине, и его гуманизм не только совместим с искренним патриотизмом, но и не отделим от него. Как истинный патриот, он дорожил славой и честью Отчизны и давал резкую и решительную отповедь тем, кто презрительно, со снисходительным высокомерием или тем более пренебрежительно относился к Родине, ее прошлому и настоящему. Безоглядное признание превосходства над Россией европейских стран Пушкин считал незрелостью ума и достойным сожаления заблуждением. Апология гражданственности сочетается у него с глубоким интересом к человеку как действующему субъекту, который, как разумное существо, призван оберегать свою отчизну, соблюдать закон и уважать других людей. И сейчас как богоустановленные заповеди воспринимается патриотический символ веры Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»; «Клянусь вам моей честью, что я ни за что на свете не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Бог». Пушкин неустанно признается в любви к дубравам и бесконечному миру полей. Называя себя краев чужих неопытным любителем и своего всегдашним обвинителем, он беззаветно посвящает отчизне души прекрасные порывы и непреклонен к тем, кто грозит России анафемой. Как бы ни было ему тяжело, он даже мысли не допускает променять Родину на какую-то другую страну. Поэтическим венцом его патриотизма стали строки:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...
Животворящая святыня!
Без них душа была б пуста.
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.

Наиболее предметно о гуманизме Пушкина Федотов рассуждает в материале, опубликованном в газете «Новое русское слово» в Нью-Йорке в 1949 г. По его словам, Пушкин был и остается живительным источником, не дающим иссякнуть чрезвычайно слабой в России струе гуманизма [19, с. 328–329].

Пожалуй, сегодня особую актуальность приобрели следующие строки Федотова: «Не всем и не во всем может помочь Пушкин... Но я принадлежу к тому поколению, или душевной формации, для которых Пушкин еще не утратил своей целительной и возрождающей силы. В часы тоски и отчаяния, сомнений в человеке и человечестве мы раскрываем Пушкина, все равно на какой странице, и медленно пьем – как назвать этот напиток? – не воду, конечно, но и не вино, а какой-то божественный нектар, который вливает успокоение, надежду и любовь к человеку. Словом, Пушкин для нас – это то, чем был для Тургенева русский язык... Пушкин жив, и пока он жив, еще не умер гуманизм, ибо Пушкин и есть наш великий гуманист, в каком-то смысле, может быть, даже единственный. В последнее время – вероятно, с легкой руки Горького, а может

быть, и под влиянием русского народничества – слово “гуманизм” у нас утратило свой настоящий смысл и стало употребляться как синоним гуманности. В этом понимании гуманистами оказываются и Некрасов, и Глеб Успенский, т. е. люди, гуманизму совершенно чуждые и даже враждебные. Слово “гуманизм” родилось в Италии в 15 столетии и всегда употреблялось для обозначения культуры Ренессанса, или всей, или одного из ее аспектов, преимущественно литературного. Но что может быть более чуждого гуманности, чем великолепный и жестокий век Леонардо да Винчи или Борджиа? Без всяких объяснений и доказательств предлагаем такое краткое определение: гуманизм есть культура человека, как творческой личности. Это покроеет все – от Петрарки до Бердяева. Не человек, как страдающее существо, нуждающееся в спасении, каким он дан в христианстве и в старом социализме, не человек, “преследующий свое счастье”, каким его видит буржуа, а человек, создающий ценности – вот человек гуманизма» [19, с. 328–329].

Следуя за Федотовым, Пушкина априорно, без всяких объяснений и доказательств допустимо и сейчас признать именно таким человеком гуманизма. Он, безусловно, гуманист во всех смыслах. Присущее ему дум высокое стремление отличает его жизнь и творчество. Он очень рано проявил способность не идти в становлении своей мысли проторенным путем и как в рассуждениях, так и в моральных решениях и чувствах не следовал катехизисным прописям, штампам и стереотипам. Между тем, рубеж конца XVIII – начала XIX в. – время вступления Пушкина в жизнь – буквально наполнен каноническими нормами, правилами и идейными трафаретами. Он уже лицом тяготится тисками авторитарной системы, составляющей неотъемлемую часть российской монархии как формы государственного устройства, отвергает насилие, и далее этическая разборчивость поэта в разграничении добра и зла лишь набирает обороты и приобретает все большую философскую убедительность.

Не потому ли Пушкин на века стал для всякого совестливого русского человека как бы мерилom нравственности, что обладал не только великим талантом, но и высоким даром сострадать и сорадоваться? Ведь, по сути, Пушкин задает тот уровень сочувствия, который мы ждем от настоящего друга. То, что для людей многих поколений поэт был и остается личным другом, к которому можно, как говорится, обратиться круглосуточно, сомнения не вызывает.

Причем на Пушкина распространяются все семантические оттенки обширного термина «гуманизм». Он проявляется и в унастроении поэта, и в осмыслении своего «Я» в масштабах всего человечества, и в его нравственной позиции, и в том, что высший приоритет для людей – жизнь и стремление к счастью.

Эхо русского народа

Пушкин не провозглашал себя, как Сократ, гражданином мира, но ему, безусловно, был присущ тот христианский космополитизм, который является одной из ценностей и составных частей гуманизма. Автор книги «Молитва русской души» митрополит Антоний (в миру А. П. Храповицкий) (1863–1936) не без оснований назвал Пушкина «гениальным совмстителем национального патриотизма с христианским космополитизмом». Он признает, что в своем отзыве отталкивается от знаменитой

речи Достоевского, которая навсегда проникла в умы и сердца [6]. И в самом деле высказывание о. Антония – своего рода парафраз памятных слов Федора Михайловича: «...назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите... Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось». Ставя в заслугу Пушкину, что ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, Достоевский отмечает также, что он «один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность» [9, с. 145–146].

Достоевскому вторит В. О. Ключевский. Он не только выделял дар Пушкина, который сделал бы честь любому ученому-историку, но и восхищался его искусством «перебрать весь состав души человеческой» [14, с. 78], удивительную способность «на семь ладов петь и “гимны важные, внушенные богами, и песни мирные фригийских пастухов”». «Перечитывая его лирические пьесы в хронологическом порядке, – признается Ключевский, – испытываешь какую-то ободряющую поэтическую качку от этой быстрой смены несходных чувств и образов, где летучей очередью в стройном разнозвучии проносятся и скучно-грустные впечатления зимней дороги под звуки длинной разгульно-тоскливой песни ямщика, и исполненное светлых надежд послание в Сибирь к декабрьским заточникам, и шаловливый альбомный комплимент, и высокое призвание поэта в величавом образе библейского пророка, а рядом в “Поэте” так жизненно-просто объяснены и самые эти кажущиеся столь своенравными переходы от низменной сцены малодушных состояний к вдохновенным подъемам свыше призванного духа. Это необъятное протяжение поэтического голоса, дававшее ему силу “владеть и смехом и слезами”, еще расширялось необычной восприимчивостью и гибкостью поэтического понимания, умением проникать в самые разнообразные людские положения, вживаться в чужую душу, всевозможные мирозерцания и настроения, в дух самых отдаленных друг от друга веков и самых несродных один другому народов, воспроизводить и Коран и Анакреона, и Шенье и Парни, и Байрона и Данте, и рыцарские времена и песни западных славян, и волшебные сказания старинной русской былины и темную эпоху Бориса Годунова, и не остывшие еще предания пугачевской и помещицкой старины». Ключевский пишет о том, что все у Пушкина освещено «каким-то внутренним светом, мягким и теплым. Источник этого света – особый взгляд на жизнь, вечно бодрый, светлый и примирительный, умеющий разглядеть затерявшиеся в житейской сумятице едва тлеющие искры добра и порядка и ими осветить темный смысл людских зол и недоразумений. Как сложился, откуда внушен этот взгляд? Конечно, прежде всего усилиями счастливо одаренного личного духа, стремящегося проникнуть в затемняемый житейскими противоречиями смысл жизни. Вспомните, как Пушкин ночью, в часы бессонницы, тревожимый “жизни мышью беготней”, вслушиваясь в ее скучный шепот, силился понять ее

смысл и учил ее темный язык. Но неуловимы источники и способы поэтического понимания, умеющего и вокруг себя подметить незаметное для простого глаза, рассеянные там и сям проблески разума жизни и собрать их в светоч, способный осветить темные пути и цели нашего существования. Тот же взгляд просвечивает из глубины русского народного мышления и чувствования, в наших песнях и пословицах, в ходе истории нашего народа, в основе всего его бытового склада. Заглянув пристально в самого себя, каждый из нас найдет его и в основе своего личного настроения, не мимолетного, случайно набегающего, а того постоянного настроения, которым определяются направление и темп жизни каждого из нас. Вникните в него еще поглубже, разберите мотивы поддерживаемого им настроения, и вы увидите, что они даже не специфически русские, национальные, а общечеловеческие мотивы общезжития». «Поэзия Пушкина – русский народный отзвук этой общечеловеческой работы, – продолжает Ключевский. – Общечеловеческим ее содержанием и направлением измеряется и ее значение для нашего национального самосознания. Она впервые показала нам, как русский дух, развернувшись во всю ширь и поднявшись полным взмахом, попытался овладеть всем поэтическим содержанием мировой жизни, и восточным и западным, и античным и библейским, и славянским и русским. Этой широтой поэтического захвата она дала нам почувствовать, какие нетронутые силы таются в глубине выросшего ее народного духа, ожидая своего призыва на общечеловеческое дело. Вместе с тем, она приподняла настроение, повысила тон жизни русского читающего общества, дав столько новой изящной пищи сердцу и воображению, необъятно расширила наш поэтический кругозор, обогатив наш духовный обиход таким запасом отовсюду собранных чувств, впечатлений и образов, разновременных и разнородных картин и воспоминаний, облеченных в небывалые по совершенству литературные формы. Русский читатель более прежнего стал любить свой язык, ценить свою словесность, чтить своего писателя, наконец, уважать самого себя и свое отечество; за многое привычное в русской жизни ему стало теперь стыдно, иное стало казаться нетерпимым, другое обязательным, если не по чувству нравственного долга, то хотя из приличия. Литература перестала быть развлечением для скучающих, стала серьезным, ответственным делом, убежищем и органом мыслящих людей. Но что еще важнее для нашего самосознания: если через поэзию Пушкина мы стали лучше понимать чужое и серьезнее смотреть на свое, то через нее же мы сами стали понятнее и себе самим и чужим. В тоне и настроении этой поэзии, в свойстве и сочетании основных мотивов, ее вдохновлявших, во взгляде поэта на жизнь, во всем складе его мирозерцания впервые обозначился духовный облик русского человека. В одной пьесе Пушкин сам назвал свой поэтический голос эхом русского народа. Но он видел народность писателя не в особенностях языка, не в выборе предметов из отечественной истории, а в особом образе мыслей и чувствований, принадлежащем исключительно какому-либо народу, в его особенной физиономии, создавшейся физическими и нравственными условиями его жизни и отражающейся в его поэзии. Вот эта физиономия русского народа с его образом мыслей и чувствований и отразилась обротно и внятно в поэзии Пушкина» [13, с. 104–107].

Теургия Пушкина

Религиозно-философская пушкиниана поистине необозрима и включает работы К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова, М. О. Гершензона, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка – всех невозможно перечислить. Но она бы точно была не полной без работ И. А. Ильина. Он как бы бережно собрал воедино светлую мудрость Пушкина и показал ее вечную актуальность и неисчерпаемость.

«Гуманизм» – термин не из словаря Ильина. Человеческую высоту и величие Пушкина он обозначает иначе, но от этого его характеристики не проигрывают. По общему признанию современников, лучший портрет поэта в плане внешнего сходства и передачи внутреннего облика принадлежит О. А. Кипренскому¹, а наиболее точный философский портрет, наверное, воспроизвел именно Ильин. Он не толкователь текстов, а мыслитель, открывающий для себя, для всех людей русского сердца и русского языка интеллектуально-духовное пространство страны по имени «Пушкин».

Ильин, пожалуй, как никто другой, чутко, во всем полнозвучии уловил музыку пушкинской лиры, не пропустил ни одной божественной искры, которые посылали русскому национальному гению «навстречу все вещи и все события», не оставил без внимания ни единой ноты «от того глубинного пения, которым все на свете отвечало его зову и слуху». И оттого Ильин воспринимается как тот, кому Высший промысел доверил донести до XXI в. суть «того духовного акта, которым русский Пушкин созерцал и творил Россию» [11, с. 41].

Как справедливо заметил специалист по истории русской философии М. А. Маслин, термин «религиозный гуманизм», употребляемый русскими мыслителями послеоктябрьского зарубежья, очень точно подходит для пушкинского гения [3, с. 457]. Особая теургия Пушкина, наложившая на его творения печать божественного деяния и откровения сакральной мистерии, была раскрыта Ильиным. По его словам, пророческая сила Пушкина, божественная окрыленность его творчества, главное и священное в его личности – это воздействие «тех божественных искр, которые посылали ему навстречу все вещи и все события» [11, с. 41].

В гуманистическом кредо Пушкина Ильин на первое место ставит любовь к родине, чувство особой близости к своему народу. Призвание Пушкина он видит «в том, чтобы принять душу русского человека во всей ее глубине, во всем ее объеме и оформить, прекрасно оформить ее, а вместе с нею – Россию. Таково было великое задание Пушкина: принять русскую душу во всех ее исторически и национально сложившихся трудностях, узлах и страстях, и найти, выносить, выстрадать, осуществить и показать всей России достойный ее творческий путь, преодолевающий эти трудности, развязывающий эти узлы, вдохновенно облагораживающий и оформляющий эти страсти» [11, с. 47]. «Русский мир в его целом и великом измерении (макрокосм), – пишет Ильин, – должен был найти себе в лице Пушкина некий гениальный микрокосм, которому надлежало все принять: все величие, все силы и богатства русской души, ее дары и ее таланты, и в то же время – все ее соблазны и опасности, всю необузданность ее

¹ Хотя портрет, выполненный мастером русской портретной резцовой гравюры Н. И. Уткиным, настолько точен, что приблизился к документальной фотографии.

темперамента, все исторически возникшие недостатки и заблуждения; и все это пережечь, перекалить, переплавить в огне гениального вдохновения и показать русскому человеку, к чему он призван, какие глубины и высоты зовут его, какую духовную мудростью и художественною красотою от повинен Господу Богу, себе и другим народам» [10, с. 72]. Не отрицая всемирную отзывчивость и способность Пушкина к художественному отождествлению, Ильин предостерегает, что «эта отзывчивость гораздо шире, чем состав “других народов”»: она связывает поэта не только с человеческим миром, но со всей вселенной, со сверхчеловеческим миром божественных и адских обстоятельств, природных тайн и т.д.» [11, с. 43]. Ильин не принимает и оспаривает превратно понимаемое содержание речи Достоевского о Пушкине. Плачевная участь, предупреждает он, ждет русский народ, «если ему Европа и «арийское племя» в самом деле будут столь же дороги, как и сама Россия, как удел своей родной земли» [11, с. 44].

Диалектика пушкинской мысли побеждает, казалось бы, непримиримое противоречие между русской соборностью и западным индивидуализмом, потому что истинный гуманизм – торжество всех духовных сил, и Пушкину, по словам Ильина, была дана та вдохновенная свобода души, «которая умеет искать новые пути, не считаясь с запретами и препонами» [11, с. 47]. Оттого «Пушкин есть чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости» и одновременно он был тем, чем хотели бы быть многие из гениальных людей Запада [11, с. 45–47]. Пушкинская «всеоткрытость души делает ее воспримчивою и созерцательною, в высшей степени склонною к тому, что Аристотель называл “удивлением”, т. е. познавательным дивованием на чудеса Божьего мира» [11, с. 58].

Однако такая обращенность к другим народам, по Ильину, не имела ничего общего с беспочвенностью и бессильным заимствованием и подражанием. Она лишь подчеркивала «самостоятельное, самобытное, положительное творчество его, которое было русским и национальным»: «Тот, кто хочет быть “братом” других народов, должен сам сначала стать и быть – творчески, самобытно, самостоятельно: созерцать Бога и дела Его, растить свой дух, крепить и воспитывать инстинкт своего национального самосохранения, по-своему трудиться, строить, властвовать, петь и молиться. Настоящий русский есть прежде всего русский и лишь в меру своей содержательной, качественной, субстанциальной русскости он может оказаться и “сверхнационально”, и “братски” настроенным “всечеловеком”. И это относится не только к русскому народу, но и ко всем другим: национально безликий “всечеловек” и “всенарод” не может ничего сказать другим людям и народам... у гениального Пушкина... и Скупой Рыцарь, и Анджело, и Сальери, и Жуан, и все по имени чужестранное или по обличию “напоминающее” Европу есть русское, национальное, гениально-творческое видение, узренное в просторах общечеловеческой тематики. Ибо гений творит из глубины национального духовного опыта, творит, а не заимствует и не подражает. За иноземными именами, костюмами и всяческими “сходствами” парит, цветет, страдает и ликует национальный дух народа» [11, с. 44–45].

Созерцающий сердцем

Пушкинская формула гуманизма не укладывается в обычные дефиниции. Интеллектуально-духовный простор грандиозной личности зада-

ет подобающий ему масштаб самовыражения, глубиной обобщения напоминающий русские народные пословицы. С Пушкина с полным основанием можно открыть список великих умов, которые, как сказал Ильин, поднялись до истинных высот мыслителей, созерцающих сердцем [12, с. 615]. Гуманизм философских афоризмов Пушкина принимает порой близкую к евангельским строкам нравственную насыщенность. Видя Россию сердцем, любя и чувствуя свой народ, он в то же время не впадал в народопоклонство. Пушкин далек от идеализации народа, потому что хорошо знает, как быстро и необратимо замордованные невыносимой жизнью мужики звереют и превращаются в жестокое, неуправляемое, потерявшее рассудок скопище нелюдей. Ему чужд тот культ народа, который пышным цветом расцветет во второй половине XIX в. Какая страшная, дикая сила таится в народной стихии, Пушкин передал в знаменитой крылатой фразе: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка – полушка, да и своя шейка – копейка» [16, с. 176].

Ничуть не притупилась острота убийственных строк, которые и сейчас можно воспринять как роковой приговор и которые не требуют комментариев:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Правды чистый свет

С неумолимой объективностью проявляется гуманизм Пушкина по отношению к потерявшим меру в отстаивании своего величия носителям власти. Как заметил Ильин, в «Сказке о золотом петушке» поэт в стихах легчайшего звучания изобразил озабоченного собственной персоной и помешавшегося на военной угрозе царя Дадона [12, с. 479]. Под насмешливым пером Пушкина фигура задиристого монарха приобретает неизбежную карикатурность. Дадон избирает агрессию как политическую норму и, действуя на опережение, «соседям то и дело наносил обиды смело». Необходимость держать оборону и собирать силы, чтоб «концы своих владений охранять от нападений», постепенно заслоняет все прочие дела и заботы царя и превращается в настоящую манию, выливается в своего рода милитаристский психоз, вызывающий ассоциации с небезызвестной идеологией осажденной крепости.

У Пушкина поразительное чувство истории. Есть у него такие слова – «правды чистый свет». Неизменно неся этот свет, он был в эксклюзивной милости у музы Клио [4, с. 538].

Пушкину близка философия истории Вольтера, и он разделял мысль французского просветителя о пользе обозрения всей человеческой культуры. Однако в записке «О народном воспитании» (1826) поэт сетовал на то, что «Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требуют особенных кафедр». Историсофия Пушкина не имеет ничего общего с позицией выведенного им в «Годунове» персонажа – дьяка, в приказах поседелого, который спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева. Кодекс чести и темперамент поэта не приемлют такую безучастность и душевную черствость.

Исторические афоризмы Пушкина и теперь не утратили своей злободневности. Взять хотя бы такие: «Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения»; «Живая власть для черни ненавистна. Они любить умеют только мертвых»; «И устарела старина, и старым бредит новизна»; «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман»; «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости»; «Нет ничего безвкуснее долготерпения и самоотверженности».

Вечные истины

Профетические прозрения Пушкина изумляли сто лет назад и продолжают поражать точностью попадания в будущее сегодня. Поэтические размышления о том, к чему ведет ложно понятая свобода, написаны в 1824 г., но читаются так, словно опекушинский памятник на Пушкинской площади в Москве, уподобившись воспетому Александром Сергеевичем Медному всаднику, вдруг сошел с пьедестала, чтобы оставить неразумным потомкам эти стихи:

Свободы буря подымалась.
И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.
И горд и наг пришел Разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть Отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью –
Все было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах.

Неопровержимость пушкинских истин доказана жизнью. Искать пророческому дару поэта мистическое объяснение не возбраняется, тем более что интуиция гения всегда кажется сверхъестественной, приравнивается к чуду, явленному по воле свыше. Пушкин был православным верующим и считал, что не допускать существования Бога означает быть еще более глупым, чем те, кто думают, что мир покоится на носороге. Он

полагал, что Господь для того и наделил его необъятным талантом, чтобы всецело служить людям, приносить добро, будить мысль, рассеивать мрак невежества.

Гуманизм, по Пушкину, предполагает высокую степень личной независимости и невмешательство извне в мир человеческой души. Поэт никогда не мнил себя безгрешным:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Однако при столь строгом самопорицании право критического отношения к себе Пушкин оставлял исключительно за собой. Для него нестерпим жадный интерес досужих обывателей к делам и поступкам знаменитых людей. Когда по воле случая всеобщим достоянием стали дневники лорда Байрона, Пушкин негодовал: «Толпа жадно читает исповеди, записки и т. д., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок – не так, как вы, – иначе» [17, с. 148].

Высокая мысль Пушкина оформилась в структурное понимание человека с любовью к самому себе, к жизни и человечеству и с не менее органической потребностью свободы и независимости. Как убежденный гуманист, Пушкин превыше всего ценит духовную свободу и не приемлет никакие оковы, ее ограничивающие, будь то царство, священство или мятежные проекты А. Н. Радищева и декабристов. Гуманистический посыл пушкинских произведений не отделим от милосердия и сострадания – нравственных ориентиров не только его поэзии и прозы, но и всей жизненной философии. Своеобразным гуманистическим заветом Пушкина можно назвать известное место из «Капитанской дочки», где авторские слова равным образом обращены как к современнику, так и к потомку: «Молодой человек! если записки мои попадут в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [16, с. 119].

Пространство свободы

Пространство свободы, по Пушкину, укладывается в рамки закона, но государственные институты и общественные устои не должны противоречить, как бы мы сейчас сказали, праву личности на автономию, собственное жизненное и интеллектуально-духовное пространство. И еще более твердо он отстаивает право человека свободно мыслить. В «Путешествии из Москвы в Петербург» поэт не столько провозглашает, сколько вопрошает, словно ища подтверждения, справедлива ли одна из максим его гуманистического кредо: «Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль?» Но далее он как бы очерчивает границы свободы человека и свободы мысли и уточняет: «Так будет она свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом» [18, с. 264].

Не отрицая влияние на Пушкина воззрений Ж.-Ж. Руссо, было бы искажением истины его преувеличивать. Отдавая должное фернейскому мудрецу, поэт весьма далек от того, чтобы превратить его в объект куль-

тового поклонения. Самостоятельный в мыслях и поступках, Александр Сергеевич с пиететом относился к автору «Новой Элоизы» и трактата «Об общественном договоре» как к защитнику вольности и прав, но называл «красноречивым сумасбродом», ибо тот, пускаясь в пространные рассуждения, постоянно сам себе противоречит, запутываясь и путая других. «Вечно рассуждать, – отзывался Пушкин об “Исповеди” Руссо, утомившей его назойливым занудством, – это мания мелких умов». Конкретно поэт не мог принять, к примеру, такие взаимоисключающие, на его взгляд, положения, как «науки и искусства совершенствуются, а люди становятся хуже», «люди порочны, они были бы еще хуже, если бы они, по несчастью, родились учеными» и т. п.

Гуманистическое кредо Пушкина манифестировано в строках «Памятника»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Но это как бы концентрация гуманизма, который щедро рассыпан по всему пушкинскому наследию. Поэт – носитель таких лучших качеств русского человека, как самоотверженность, самопожертвование, открытость, отвага. Поэзия Пушкина – словесный слепок души народа, и тысячу раз прав Ключевский, мастерски показавший, как в творчестве нашего национального гения проступает портрет русского народа: «Это, как и сама эта поэзия, народ восприимчивый и наблюдательный, с трезвым и бодрым взглядом на жизнь, терпеливый и исполненный терпимости, чуждый сомнений и непритязательный, благодарный судьбе за радость и за горе, умеющий ценить хорошее чужое и шутить над дурным своим, простодушно и задушевно отзывчивый на все человеческое, незлопамятный и осторожный, мирный и примирительный» [13, с. 107].

Два союзных начала пушкинской человечности – любовь и дружба. Именно в них прежде всего ярко просиял гуманизм русского гения, то и другое он ставит и ценит чрезвычайно высоко и благодарит Всевышнего за эти удивительные дары. «Ни музы, ни труды, ни радости досуга, ничто не заменит единственного друга», – признается поэт, и точно так же неоспоримо для него, что «нет истины, где нет любви».

Разглядев в Радищеве опасного бунтовщика, он сочувствует его бесстрашной самоотверженности, с уважением относится к рыцарской советливости автора «Путешествия из Петербурга в Москву», но решительно критикует поверхностный взгляд на вещи: «Беспокойное любопытство, более нежели жажда познания, была отличительная черта ума его». Отзываясь о Радищеве как о представителе полупросвещения, Пушкин убедительно доказывает, что в своем посредственном, варварском слогом написанном произведении он, сгущая краски и преувеличивая, описывает несчастное состояние народа, насилие вельмож и преступно толкает к возмущению, бунту, что расценивает как преступление, ничем не извиняемое. По сути, в лице Радищева Пушкин прозорливо предостерегает от сентиментальных тигров вроде Робеспьера. И ведь недалеко то время, когда уже на русской почве появятся оголтелые революционеры из полунинтеллигентов-разночинцев, которых Достоевский позднее назовет

бесами и которые в недалеком будущем заташат Россию на историческую голгофу и прольют реки человеческой крови [15, с. 32–34].

Веселое имя Пушкин

Веский критерий истинного гуманизма – полное отсутствие (даже на подсознательном уровне) агрессии. Гуманизм поэта не отделим от искрометного чувства юмора. Тотчас вспоминаются слова А. А. Блока: «Наша память хранит с малолетства веселое имя Пушкин». Даже грустная лирика у него неразлучна с мягкой улыбкой:

Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Комическая интонация, мастерски поданные в легкой, шуточной форме истины здравого смысла (вспомним хотя бы «Сказку о попе и работнике его Балде») и задорные зарисовки в прозе и стихах – все это характерно для смехового мира Пушкина. Он фонтанировал острыми сатирическими экспромтами, бурлесками, забавными каламбурами и пуще всего опасался быть банальным и скучным. Смеховое, мажорное начало – своего рода индикатор гуманизма. И у Пушкина этот показатель предельно высок, практически не оставляя места провоцирующим неблагоприятным поступкам и действиям смутным желанием, подавляемым побуждениям, невыраженным идеям, которые, как правило, имплицитно присутствует в произведениях любого автора. Созданное Пушкиным не только не несет ничего негативного и деструктивного, но и врачует, лечит от опасных повреждений, исходящих от злых сил окружающего мира и недобрых людей. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголь чутко улавливает и передает пушкинскую способность органично воспринимать «ту огненную искру, которая присутствует во всяком творении Бога» [7, с. 381]. Ни талант, ни гений, ни острый ум для поэта вовсе не повод впасть в гордыню и ставить себя выше Творца, возомнив себя «сверхчеловеком». Во многом, наверное, поэтому и вызывает Пушкин безграничное доверие у русского сердца.

Гуманизм Пушкина столь емко и всеобъемлющ, что не раскладывается по полочкам, не фиксируется столбиком в привычной разбивке на во-первых, во-вторых, в-третьих... Он слагается из свойственного поэту человеколюбия и его антропоцентричных философских взглядов, согласно которым человек есть средоточие Вселенной и цель всех мировых событий. Он синтезируется из христианского с яркой православно-почвеннической окраской милосердия, сложносоставного патриотизма, где любовь к родине сочетается с горячей отповедью «клеветникам России». Он предполагает прочные узы с другими народами, по отношению к которым его носитель выступает братски настроенным всечеловеком. Пушкинский гуманизм поистине безграничен и неисчерпаем.

Итак, гуманизм Пушкина – многогранное и многоаспектное явление, представляющее сложный комплекс свойств и характеристик, поразному проявляющихся на различных уровнях как одна из базовых составляющих великой творческой личности. И если Пушкин является

для нас культурным континуумом, т. е. непреходящим, непрерывным явлением в пространстве и времени, то его гуманизм – это та креативная сила, которая сообщает русскому человеку «качественное благородство души и способность с трепетом и умилением отвечать на все Божественное» [11, с. 61].

Заключение

Пушкой для кого-то открытие Пушкина пока не состоялось. Не факт, что оно непременно должно было произойти в школе или в университете. Известны случаи, когда обращение к Пушкину приходится на зрелые годы, и умудренный жизнью человек вдруг постигает созвучную его мыслям и запросам ума пушкинскую мудрость. Как говорится, лучше поздно, чем никогда. Пушкин уже не однажды был подзабыт, задвинут в небытие и не востребован, но всякий раз возвращался и с благодарностью прочитывался. Особая культурологическая актуальность и значимость пушкинского наследия видится в том, что он ключевая фигура, скрепляющая в одно целое русскую культуру настоящего и прошлого. В его творческом наследии сконцентрированы основные черты национального самосознания, саморефлексии, главные духовные устремления и идеалы народа. Таким образом, Пушкин максимально полно воплощает сущность русской культуры и доминанты нашей национальной идентичности. Пушкинская система ценностей – это органическая часть национального культурно-исторического наследия, которая отложилась в знаковые образы-маркеры и индексы русской культурной идентичности. И, по-видимому, в научной перспективе на базе пушкинского слова реально построение моделей такой идентичности.

Литература

И с с л е д о в а н и я

1. *Иванова Н.Л.* Социальная идентичность и профессиональное становление личности. Ярославль: Аверс-Пресс, 2004.
2. *Малыгина И.В.* Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учебное пособие. М.: Согласие, 2018.
3. *Маслин М.А.* Пушкин Александр Сергеевич // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 457–458.
4. *Соловьев В.М.* Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) // Соловьев В.М. История Отечества: Популярная энциклопедия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. С. 535–538.
5. *Соловьев В.М., Перова Е.Ю.* История русской культуры: учебное пособие. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018.

И с т о ч н и к и

6. *Антоний (Храповицкий), митр.* Молитва русской души. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006.
7. *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1967.
8. *Григорьев А.А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А.А. Апология почвенничества / Сост. и комм. А. В. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

9. *Достоевский Ф.М.* Пушкин (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. XXVI. Л.: Наука, 1984.
10. *Ильин И.А.* Национальная миссия Пушкина // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. II. М.: Русская книга, 1996.
11. *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. II. М.: Русская книга, 1996.
12. *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. II. М.: Русская книга, 1996.
13. *Ключевский В.О.* Памяти А. С. Пушкина // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990.
14. *Ключевский В.О.* Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г., в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990.
15. *Пушкин А.С.* Александр Радищев // Пушкин А.С. ПСС. Т. 12. М.; Л., 1949.
16. *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // Пушкин А.С. Историческая проза. М.: Советская Россия, 1991.
17. *Пушкин А.С.* Письмо П. А. Вяземскому // Пушкин А.С. ПСС. Т. 10. М.; Л., 1938.
18. *Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А.С. ПСС. Т. 11. М.; Л., 1949.
19. *Федотов Г.П.* О гуманизме Пушкина // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1992.
20. *Федотов Г.П.* Певец империи свободы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992.
21. *Федотов Г.П.* Пушкин и освобождение России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992.

Solovyov, Vladimir M. *The humanistic credo of A. S. Pushkin*

References

1. Ivanova, N.L. (2004), *Sotsial'naya identichnost' i professional'noye stanovleniye lichnosti* [Social identity and professional development of a personality], Avers-Press, Yaroslavl.
2. Malygina, I.V. (2018), *Identichnost' v filosofskoy, sotsial'noy i kul'turnoy antropologii: uchebnoye posobiye* [Identity in philosophical, social, and cultural anthropology: textbook], Soglasie, Moscow.
3. Maslin, M.A. (2007), Pushkin Aleksandr Sergeevich, in Maslin, M.A. (ed.), *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian Philosophy: Encyclopedia], Algoritm, Moscow, pp. 457–458.
4. Solovyov, V.M. (2000), Pushkin Aleksandr Sergeevich (1799–1837), in Solovyov, V.M. *Istoriya Otechestva: Populyarnaya entsiklopediya* [History of the Fatherland: A popular encyclopedia], AST-PRESS, Moscow, pp. 535–538.
5. Solovyov, V.M., and Perova, E.Yu. (2018), *Istoriya russkoy kul'tury: uchebnoye posobiye* [History of Russian culture: textbook], FGBOU VO MGLU, Moscow.